

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 344.651; DOI: 10.61260/2074-1626-2024-2-62-69

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

✉ Ковалева Наталья Витальевна.

Государственный университет управления, Москва, Россия;

Академия управления МВД России, Москва, Россия.

Жук Александра Петровна.

Государственный университет управления, Москва, Россия

✉ doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка раскрыть регламентацию процесса заключения договоров в электронной форме с использованием электронной цифровой подписи по действующему законодательству Российской Федерации. Раскрыта природа надлежащего подписанта с учетом объема обязывания в структуре данных правоотношений, а также обосновывается применение принципа эстоппеля. Сделан акцент на технико-юридическом регулировании, детализирующем осуществление, в том числе экспертных заключений. Обозначена актуальность правового регулирования заключения договоров в электронной форме посредством электронной цифровой подписи.

Ключевые слова: сделка в электронной форме, электронная цифровая подпись, гражданско-правовой договор, договор, гражданское право, договорное право, законодательство Российской Федерации

Для цитирования: Ковалева Н.В., Жук А.П. Заключение договоров с использованием электронной цифровой подписи по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2 (63). С. 62–69. DOI: 10.61260/2074-1626-2024-2-62-69.

Scientific article

ELECTRONIC CONTRACTING USING AN ELECTRONIC SIGNATURE UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

✉ Kovaleva Natalya V.

State university of management, Moscow, Russia;

Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow, Russia.

Zhuk Aleksandra P.

State university of management, Moscow, Russia

✉ doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Abstract. An attempt has been made to disclose the regulation of the process of conclusion of contract in electronic form with the use of digital signature under the current legislation of the Russian Federation. The nature of a proper signatory is revealed, taking into account the scope of obligation in the structure of the researched legal relations, and the application of the principle of estoppel is substantiated. The emphasis is made on technical and legal regulation, detailing the implementation of expert reports, among others. The relevance of legal regulation of conclusion of contracts in electronic form by means of digital signature is outlined.

Keywords: contract in electronic form, digital signature, civil law contract, contract, civil law, contract law, legislation of the Russian Federation

For citation: Kovaleva N.V., Zhuk A.P. Electronic contracting using an electronic signature under the legislation of the Russian Federation // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2024. № 2 (63). P. 62–69. DOI: 10.61260/2074-1626-2024-2-62-69.

На современном этапе в Российской Федерации активно происходит процесс цифровизации, оказывая непосредственное влияние на экономический оборот и правовую систему государства в целом. За последние годы широкое распространение получили цифровые средства коммуникации. Актуальные исследования показали, что ежедневно телекоммуникационной сетью «Интернет» пользуются 83 % Россиян [1]. Многие юридически значимые действия приобрели помимо традиционной и цифровую форму, не стали исключением и гражданско-правовые договоры, которые в настоящее время могут заключаться с использованием электронной цифровой подписи (ЭЦП).

Справедливо отмечается доступность, удобство, а главное, высокая скорость совершения сделок в электронной форме [2]. Скорость обмена данными значительно выросла и достигла того, что субъекты могут получать сообщения друг от друга в секунду отправки.

Заключение сделки в электронной форме было законодательно закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), где в п. 1 ст. 160 указано, что возможно соблюдение письменной формы сделки при использовании для ее совершения электронных средств, «при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю» [3].

В ст. 434 ГК РФ «Форма договора» закреплена возможность посредством составления электронного документа или обмена ими соблюсти письменную форму договора [3]. Согласно ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] электронным документом является информация, зафиксированная (задокументированная) в цифровой форме, то есть с использованием электронно-вычислительных технологий и пригодная для обработки и передачи с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

С появлением возможности заключать сделки в электронной форме возникла острая необходимость в регламентации процесса подтверждения подлинности подобных документов с помощью подписи и, соответственно, был введен такой институт как ЭЦП.

В соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ФЗ № 63-ФЗ) такая подпись определяется как «информация в электронной форме, которая присоединена к подписываемой информации в электронной форме, и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [5]. Данная легальная дефиниция подразумевает под ЭЦП зашифрованные посредством специализированных технологий данные, используемые для заверения и подтверждения соответствующих документов, что, в свою очередь, выступает основанием для приобретения ими юридической силы.

ФЗ № 63-ФЗ [5] установил следующие виды ЭЦП: простая и усиленная, где последняя имеет два подвида: неквалифицированную и квалифицированную.

Простая электронная подпись не является усиленной и зачастую имеет вид пароля, ввод которого подтверждает подписание электронного документа. Такая подпись считается равнозначной традиционной подписи лишь тогда, когда между сторонами существует предварительное соглашение о ее признании и правилах ее использования. Обычно применяется для идентификации в информационных системах, получения государственных услуг, осуществления банковских операций, а для заключения гражданско-правовых сделок используется редко, поскольку имеет вид простого пароля или кода подтверждения и не гарантирует защиту от фальсификации. При ее использовании присутствует риск того, что ненадлежащее лицо путем обмана завладеет данными простой ЭЦП или автор подписи будет отрицать подписание им документа.

Неквалифицированная электронная подпись получается в результате преобразования информации с использованием ключа электронной подписи, который представляет собой уникальную последовательность символов, предназначен для создания ЭЦП и содержится на материальном носителе (чаще всего на флеш-карте) [5]. По сути, это криптографический алгоритм, который используется для проверки подлинности и целостности электронных документов, что позволяет не только определить подписавшееся лицо, но и обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания, в отличие от простой электронной подписи.

Для вышеописанных видов ЭЦП законом не установлено особых требований о криптографической защите, и они могут выпускаться на любых материальных носителях. Данные виды ЭЦП приобретают юридическую силу в случаях, когда об этом сторонами предварительно было заключено соглашение.

Квалифицированная электронная подпись представляет собой усиленный вид ЭЦП, который соответствует всем признакам неквалифицированной ЭЦП и, помимо этого, используется исключительно с сертификатом ключа ее проверки. Заявитель получает ее в аккредитованном удостоверяющем центре, а сертификат ключа проверки ЭЦП может быть выдан как в электронной форме, так и в виде традиционного документа на бумажном носителе и подтверждает факт использования ЭЦП надлежащим лицом. Определены общие требования к содержанию сертификата: он должен включать присвоенный ему уникальный номер, срок действия, информацию, позволяющую идентифицировать его владельца и удостоверяющий центр. В сертификате должен содержаться уникальный ключ проверки ЭЦП в виде совокупности криптографических символов, а также названы средства ЭЦП, то есть специализированные программы, с помощью которых был сформирован сертификат [5].

Выдается данный документ непосредственно физическому лицу (заявителю), личность которого устанавливается удостоверяющим центром, что обеспечивает максимальную надежность защиты документа от возможных подделок. Идентификация личности заявителя производится сотрудником удостоверяющего центра при личном присутствии идентифицируемого лица либо без личного участия заявителя путем предоставления им в удостоверяющий центр документов, удостоверяющих личность посредством информационных технологий, то есть в виде электронного документа. Квалифицированная электронная подпись на законодательном уровне [5] признается равнозначной собственноручной подписи.

Таким образом, физические и юридические лица обладают правом самостоятельно выбирать вид электронной подписи, однако исключения составляют случаи, когда порядок заключения определенных договоров регламентируется законодательством. Одним из примеров является заключение государственного или муниципального контракта по итогам электронных торгов, порядок проведения которых регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» – возможно исключительно с использованием квалифицированной ЭЦП. Указание на определенный вид ЭЦП содержится в п. 1 ч. 3 ст. 51 указанного федерального закона «Заключение контракта по результатам электронной процедуры» [6].

Несмотря на достаточно детальное правовое регулирование вопроса о заключении сделок с использованием ЭЦП, следует отметить некоторые аспекты, возникающие на этапе правоприменения.

В частности, при осуществлении идентификации (то есть определении) лица, которое подписало документы с использованием ЭЦП, возникают определенные сложности. По действующему законодательству ключ ЭЦП должен находиться у лица, имеющего право ее использовать, и это лицо обязано обеспечивать его сохранность (п. 1 ст. 10 ФЗ № 63-ФЗ), но не исключены случаи, когда ЭЦП может оказаться во владении ненадлежащего лица. В такой ситуации крайне сложно определить личность подписавшего в силу ее цифровой природы. В отличие от традиционной подписи, нет возможности назначить почерковедческую экспертизу и тем самым получить достоверные сведения о субъекте, подписавшем документ.

Судебная практика подтверждает указанное выше. Так, гражданка Н подала иск о признании договора кредитования недействительным, указав, что неустановленные лица выполнили вход в ее личный кабинет на сайте банка и от ее имени с помощью простой электронной подписи заключили банковский договор. Суд не удовлетворил требования истца, поскольку не установил факт использования простой электронной подписи ненадлежащим лицом [7].

В другом споре истец оспаривала получение денежных средств по договору кредитования, обращая внимание на то, что она фактически не получила денежных средств. Суд не удовлетворил требования, посчитав, что у банка не было оснований полагать, что заключение кредитного договора происходило без волеизъявления истца. Каждая операция подтверждалась одноразовым кодом подтверждения, то есть простой электронной подписью, направленной на номер телефона истца [8].

Аналогичное дело было рассмотрено кассационным судом общей юрисдикции, где ФИО1 требовала признания кредитного договора с банком недействительным, обосновывая это тем, что он был заключен из корыстных побуждений третьим лицом ФИО8 от ее имени с ее мобильного телефона. Приговором районного суда ФИО8 был признан виновным в совершении кражи и установлено, что ФИО1 не заключала указанный кредитный договор, а также не получала по нему денежные средства. Однако в кассационном определении в расторжении кредитного договора было отказано. Суд ссылаясь на то, что ФИО1 была ознакомлена с правилами банковского обслуживания, в том числе использования простой ЭЦП. В соответствии с этим договором на клиента возлагалась обязанность по соблюдению конфиденциальности персональных данных, в том числе и ЭЦП. В данном случае банк потерпевшим по уголовному делу признан не был, и ФИО1 не была освобождена от обязательств по возврату банку поступившей на ее счет денежной суммы [9].

Споры возникают в том числе по поводу использования неквалифицированной электронной подписи. Гражданин О. обратился в суд с требованием о признании приказа работодателя незаконным и восстановлении на работе, поскольку заявление об увольнении было подписано по причине заблуждения О. При трудоустройстве истцом в письменной форме было дано согласие на условия взаимодействия в системе кадрового электронного документооборота. С помощью неквалифицированной электронной подписи гражданина О. было подписано заявление на увольнение по собственному желанию. Однако намерения прекращать трудовые правоотношения с работодателем у О. не было. Истцу было необходимо передать работодателю листок нетрудоспособности через систему кадрового электронного документооборота. Для этого он воспользовался помощью коллеги, поскольку у самого истца доступа к системе не было. Гражданин О. полагал, что совершает заполнение заявления об оплате листка нетрудоспособности, поэтому при получении на мобильный телефон кода доступа для использования неквалифицированной ЭЦП, сообщил его коллеге, который ввел его в систему. Таким образом, было ошибочно подписано заявление об увольнении. Суды первой и апелляционной инстанции признали, что заявление об увольнении сформировано истцом и содержит его волеизъявление, и дело было направлено на повторное рассмотрение [10].

Схожие споры возникают при применении квалифицированной ЭЦП. Например, возник спор между банком и его клиентом – организацией М., где последняя требовала вернуть неправомерно списанную банком со счета сумму. В ходе рассмотрения материалов дела было выявлено, что с расчетного счета М. денежная сумма была списана в качестве арендной платы в пользу третьего лица. Данный платеж был произведен на основании платежного поручения, которое было подписано усиленной квалифицированной подписью директора организации. При этом установлен факт того, что программное обеспечение для использования ЭЦП находилось на персональном компьютере главного бухгалтера в его кабинете, в который имели свободный доступ все сотрудники организации М. Кроме того, материальный носитель, содержащий ЭЦП директора, находился в сейфе в указанном помещении. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что требования по обеспечению конфиденциальности ЭЦП были нарушены, владелец подписи не обращался

в удостоверяющий центр с информацией о том, что ключ ЭЦП скомпрометирован. Действующий на момент разрешения спора Высший Арбитражный суд, ссылаясь на вышеизложенные обстоятельства, отклонил заявление клиента банка о пересмотре решений нижестоящих инстанций, которые также сочли, что денежная сумма была списана правомерно, а ЭЦП скомпрометирована [11].

Вышеописанные примеры из судебной практики подтверждают, что использование ЭЦП надлежащим лицом в большинстве случаев презюмируется, так как существует законодательно закреплённая возможность аннулирования ЭЦП в случаях использования ее ненадлежащим лицом, то есть лицом, не являющимся его владельцем. Для участников электронного взаимодействия (владельцев ЭЦП) установлена обязанность – обеспечивать ее сохранность и в случае нарушения конфиденциальности принимать соответствующие меры. В п.п. 2, 3 ст. 10, п.п. 3, 5 п. 1 ст. 13, п/п 2 п. 6, п. 6.1, п. 9 ст. 14, п. 6 ст. 17 ФЗ № 63-ФЗ [5] предусмотрены отдельные положения, из которых можно определить алгоритм действий по аннулированию сертификата ЭЦП в случаях, когда есть основания полагать, что он находился в пользовании у ненадлежащего субъекта.

Во-первых, владелец ключа ЭЦП должен немедленно прекратить его использование и уведомить об этом иных участников электронного взаимодействия. Во-вторых, он должен подать заявление (в электронной форме или на бумажном носителе) об аннулировании сертификата ключа ЭЦП в соответствующий удостоверяющий центр. В свою очередь, удостоверяющий центр аннулирует сертификат ключа ЭЦП, фиксируя дату и основания аннулирования. Перед тем как информация об аннулировании будет зарегистрирована в реестре сертификатов, удостоверяющий центр уведомляет владельца сертификата проверки ключа ЭЦП об аннулировании ЭЦП путем направления документа в электронной форме или на бумажном носителе.

Учитывая изложенное выше, а также базируясь на теоретических положениях, формирующих структуру обязывания в подобного рода правоотношениях, необходимо обозначить следующее:

1. Презумпция надлежащего подписанта в спорах, где документ был подписан с использованием ЭЦП обоснована, поскольку на основании соглашения (в случае с усиленной квалифицированной подписью – законодательно установленных положений) она приравнивается к собственноручной подписи. Ответственность за нарушение конфиденциальности несет владелец ЭЦП. Особую сложность в рамках судебного разбирательства представляет доказывание того, что юридически значимый документ был подписан ненадлежащим лицом. В связи с этим судом вполне оправданно исследование объема обязанности владельца ЭЦП, а также предпринимались ли с его стороны действия для аннулирования ЭЦП.

2. В такого рода правоотношениях может быть применен принцип эстопея. Примером применения данного принципа является спор, где между истцом М и ответчиком Н было заключено мировое соглашение об уплате суммы, полученной ответчиком в результате неосновательного обогащения, которое впоследствии было исполнено. М впоследствии повторно обратился в суд для взыскания с Н процентов за пользование средствами, полученными в результате неосновательного обогащения. Суд первой инстанции посчитал, что мировое соглашение прекратило все обязательства между М и Н, и отказал в удовлетворении иска. Суды апелляционной и кассационной инстанций сочли, что мировое соглашение не содержало условия о прекращении действия первоначального обязательства, в связи с чем, руководствуясь ст.ст. 395, 1107 ГК РФ, удовлетворили требование общества о взыскании процентов. Верховный Арбитражный суд применил принцип эстопея, указав, что «невключение в текст мирового соглашения условий о необходимости выполнения каких-либо дополнительных обязательств влечет за собой потерю права сторон на выдвигание новых требований, вытекающих из прекращенного обязательства». Решения апелляционной и кассационной инстанций были отменены [12].

Принцип эстопеля также был применен при разрешении спора, в котором истец П требовал взыскания с ответчика О денежных средств, предоставленных по договору о предоставлении кредита. Высший Арбитражный Суд установил, что в действиях ответчика усматривалось злоупотребление правом, поскольку большинство его ходатайств в суде первой инстанции были направлены либо на приостановление дела, либо на отложение судебного разбирательства по существу. Следовательно, был применен принцип эстопеля, а решения судов нижестоящих инстанций отменены [13]. Также в качестве примера необходимо указать спор, в котором Высший Арбитражный суд признал действия Организации недобросовестными в связи с умышленным уклонением от получения корреспонденции, применив принцип эстопеля для лишения Организации права ссылаться на ненадлежащее уведомление об арбитражном разбирательстве [14].

В спорах о применении ЭЦП принцип эстопеля имеет место, поскольку именно недобросовестность в отношении конфиденциальности ЭЦП (держателем ЭЦП не соблюдались правила соглашения по обеспечению ее безопасности) влечет определенные неблагоприятные последствия. Таким образом, держатель может быть лишен права на возражения при установлении, что он не предпринял все зависящие от него меры для аннулирования ЭЦП. Природа данного принципа не позволит недобросовестной стороне процесса затягивать последний.

3. Целесообразно предположить, что в случае подписания документа ненадлежащим лицом в процессуальном законодательстве может быть выработана процедура по установлению нарушения конфиденциальности ЭЦП по аналогии с почерковедческой экспертизой, применяемой в судах для установления факта подделки традиционной письменной подписи. Она может применяться лишь в случае, когда владелец ЭЦП предпринял предусмотренные законодательством действия для аннулирования ЭЦП и пытался минимизировать негативные последствия, но его действия не привели к желаемому результату.

4. Формирование критериев, применяемых к доказательствам, используемым для подтверждения факта использования ЭЦП ненадлежащим лицом должно стать предметом дальнейших, в том числе междисциплинарных исследований. Детализация посредством технических (техничко-юридических) норм на этом этапе правового регулирования особенно востребована в силу специфики данных правоотношений [15]. С помощью данных регуляторов могут быть выработаны положения, формирующие нормативную основу для значительного числа экспертных заключений.

5. Дальнейшее формирование действующего законодательства Российской Федерации должно базироваться на научных разработках с учетом регламентации отношений, где в структуру правоотношений встраивается алгоритм. В правоотношения с традиционным субъект-субъектным составом все чаще встраивается элемент, который условно можно обозначить как своего рода объект. В связи с этим правоотношения приобретают субъект-объект-субъектную структуру, природа которой изучена лишь отчасти и требует дальнейших исследований для более качественного упорядочивания таких отношений [16].

Представленная тематика правового регулирования заключения договоров в электронной форме посредством ЭЦП актуальна и будет требовать более эффективной регламентации с учетом все более набирающей обороты тенденции цифровизации значительных сфер жизни общества. В связи с этим целесообразно продолжить исследование, основываясь, в том числе и на междисциплинарных работах в этой области.

Список источников

1. Internet User Statistics & 2022 Population for the 53 European countries and regions // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 08.04.2024).

2. Гладкова С.Б., Дробов Д.Е., Смирнова Е.С. Трансформации законодательства в области заключения сделок в электронной форме // Закон и право. 2020. № 12. С. 85–89.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 1 от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ; Ч. 2 от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ; Ч. 3 от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ; Ч. 4 от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (с изм. на 24 июля 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об электронной подписи: Федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Мухамедзиева М.М., Жердева О.В. Особенности применения различных видов электронной подписи // Связь теории и практики научных исследований: сб. тр. конференции. Уфа: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2016. С. 142–145.

7. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 2-3879/2020, 33-17335/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 нояб. 2022 г. № 88-21950/2022 по делу № 2-250/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апр. 2022 г. по делу № 88-9138/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-10825/2022. URL: Девятый кассационный суд общей юрисдикции (sudrf.ru) (дата обращения: 08.04.2024).

11. Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Определение Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 18 нояб. 2013 г. № ВАС-15780/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 22 марта 2011 г. № 13903/10. URL: https://arbitr.ru/materials/36162?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F&ysclid=luqpq0howg798431951 (дата обращения: 08.04.2024).

13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2012 г. № 1649/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 24 июня 2014 г. № 1332/14. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/19072/> (дата обращения: 08.04.2024).

15. Ковалева Н.В. Природа и функции технико-юридических норм // Государство и право. 2016. № 11. С. 5–12.

16. Особенности регламентации отношений с участием алгоритмов. Публично-правовые средства цифровизации экономики и финансов: Коллективная монография / Г.Ф. Ручкина [и др.]. Ч. 2. М.: Изд-во «КноРус», 2021. 256 с.

References

1. Internet User Statistics & 2022 Population for the 53 European countries and regions // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (data obrashcheniya: 08.04.2024).

2. Gladkova S.B., Drobov D.E., Smirnova E.S. Transformacii zakonodatel'stva v oblasti zaklyucheniya sdelok v elektronnoj forme // Zakon i pravo. 2020. № 12. S. 85–89.

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: Ch. 1 ot 30 noyab. 1994 g. № 51-FZ; Ch. 2 ot 26 yanv. 1996 g. № 14-FZ; Ch. 3 ot 26 noyab. 2001 g. № 146-FZ; Ch. 4 ot 18 dek. 2006 g. № 230-FZ (s izm. na 24 iyulya 2023 g.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

4. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Feder. zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ (s izm. i dop.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

5. Ob elektronnoj podpisi: Feder. zakon ot 6 apr. 2011 g. № 63-FZ (s izm. i dop.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Muhamedzieva M.M., Zherdeva O.V. Osobennosti primeneniya razlichnyh vidov elektronnoj podpisi // Svyaz' teorii i praktiki nauchnyh issledovanij: sb. tr. konferencii. Ufa: OOO «OMEGA SAJNS», 2016. S. 142–145.
7. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda po delu № 2-3879/2020, 33-17335/2021. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15 noyab. 2022 g. № 88-21950/2022 po delu № 2-250/2022. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
9. Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 5 apr. 2022 g. po delu № 88-9138/2022. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii po delu № 8G-10825/2022. URL: Devyatyj kassacionnyj sud obshchej yurisdikcii (sudrf.ru) (data obrashcheniya: 08.04.2024).
11. Ob otkaze v peredache dela v Prezidium Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii: Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda Ros. Federacii ot 18 noyab. 2013 g. № BAC-15780/13. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Ros. Federacii ot 22 marta 2011 g. № 13903/10. URL: https://arbitr.ru/materials/36162?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F&ysclid=luqqq0howg798431951 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
13. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Ros. Federacii ot 23 apr. 2012 g. № 1649/13. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
14. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Ros. Federacii ot 24 iyunya 2014 g. № 1332/14. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/19072/> (data obrashcheniya: 08.04.2024).
15. Kovaleva N.V. Priroda i funkcii tekhniko-yuridicheskikh norm // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 11. S. 5–12.
16. Osobennosti reglamentacii otnoshenij s uchastiem algoritmov. Publichno-pravovye sredstva cifrovizacii ekonomiki i finansov: Kollektivnaya monografiya / G.F. Ruchkina [i dr.]. Ch. 2. M.: Izd-vo «KnoRus», 2021. 256 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 09.04.2024

Принята к публикации: 24.05.2024

The information about article:

Article was received by the editorial office: 09.04.2024

Accepted for publication: 24.05.2024

Информация об авторах:

Ковалева Наталья Витальевна, профессор Государственного университета управления (109542, Москва, Рязанский пр., д. 99); главный научный сотрудник Академии управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, стр. 5), доктор юридических наук, e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Жук Александра Петровна, студент Государственного университета управления (109542, Москва, Рязанский пр., д. 99), e-mail: alzh203@mail.ru

Information about the authors:

Kovaleva Natalia V., professor at the State university of management (109542, Moscow, Ryazansky ave., 99); chief researcher at the Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia (125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8, p. 5), doctor of law, e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Zhuk Alexandra P., student of the State university of management (109542, Moscow, Ryazansky ave., 99), e-mail: alzh203@mail.ru